

ОБРАЗ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Культивируемый коммунистической идеологией взгляд на прессу как на отражение существенных, общезначимых, объективно оцениваемых явлений и событий, осуществляемое в интересах блага всего социума, сменился сегодня, можно сказать, прямо противоположным мнением. СМИ так же неоднородны, как неоднородно наше общество, нет единого представления об общественном благе. Картина текущего момента складывается из фактов, отобранных вовсе не по критериям существенности и общезначимости. Сенсационность, развлекательность, порой и эпатажность — все это в немалой степени определяет картину дня, а шире — текущего момента, которую создают СМИ. Эта картина формируется, во всяком случае изначально, по тем же параметрам, что и картина мира. «Модель мира в каждой культуре состоит из набора взаимосвязанных универсальных понятий», к которым относятся «...такие понятия, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому»¹. В картине текущего момента фиксируются пространство и время, противопоставление *свое/чужое, мы/они*, типичные действия с их субъектами и объектами. Картина характеризуется прагматической окрашенностью (*полезно/вредно*), а поскольку в отражаемых явлениях и событиях нередко отыскивается связь с системой норм, по которым живет общество, окраска возникает и по признаку *хорошо/плохо*.

Как отмечает А. Моль, информация, поставляемая СМИ, превращается в знание за счет процесса, напоминающего изготовление валяного материала из шерсти. Разрозненные сообщения, которые идут по разным каналам, повторяясь, развивая и дополняя друг друга, воспринимаются нерегулярно, часто случайно, но постепенно они складываются в представления, образы, стереотипы, т. е. мыслительные образования, обеспечивающие человеку возможность действия².

Понятие образа, известное россиянам по школьному курсу литературы, но в науке на время утратившее свою популярность, сейчас, как кажется, возвращает утраченные позиции. Так, в один день в Уральском государственном педагогическом университете были защищены две докторские диссертации: «Контрастивное исследование концептуальной сферы “время” в русской и башкирской языковых картинах мира» и «Образ времени в диалектной картине мира». В работе о русской провинции обсуждается «образ России, который вырастает и складывается как некое целое в разных главах “Выбранных мест”»³, здесь же автор отмечает,

МАЙДАНОВА Людмила Михайловна, доктор филологических наук, профессор-консультант кафедры стилистики и русского языка факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Л. М. Майданова, 2006

что и «сегодня теория образа строится все на тех же основаниях, которые были намечены Гете и Гегелем... Образ трактуется как “единство общего и конкретного”, объективного и субъективного»⁴. У образа времени в указанной работе «определены основные компоненты» и «его общая структурная схема»⁵. Действительно, на новом уровне и новыми методами сейчас познается то, что в школьном обучении называлось «чертами образа Онегина». Описываются мыслительные образования, в которых тем или иным способом запечатлеваются в своих актуальных признаках явление, событие, личность или предмет.

Понятие *образ* связывается с понятием *картина мира* как часть и целое. Можно поэтому сказать, что и картина текущего момента, создаваемая СМИ, также включает в себя образы действующих субъектов, событий, явлений. Это динамичные образования, смысловая структура которых складывается постепенно за счет выделения доминанты, вокруг которой группируются, перемещаясь и взаимозамениваясь, другие признаки описываемого текстами явления. Устойчивость структур различна и за счет быстрой смены схватываемых авторами характеристик, и за счет возможной противоречивости их. Образ в картине текущего момента оценочно окрашен. В эпоху СССР говорилось о партийной оценке, сейчас можно говорить об оценке социальной, устойчивость которой также меняется. Примером устойчивости являются признаки *крах* и *нецивилизованность*, приписываемые образу России на протяжении двух веков с перерывом на советский период и журналистскими, и художественными, и даже научными текстами⁶.

Важным элементом картины текущего момента является образ власти. Внимание СМИ постоянно приковано к тем, кто управляет страной. Тысячи текстов рассказывают об актуальных событиях (заседаниях правительства или Думы, приемах президентом членов Совбеза, визитах руководителей других государств, решениях судов и т. д.), и из этих информационных и аналитических материалов складывается образ власти в целом, то, что члены общества часто обозначают словами «все они там...». Образ власти, создаваемый журналистским дискурсом, взаимодействует со стереотипами общественного сознания, с индивидуальными оценками власти, которые вырабатываются каждым человеком на основе его личного жизненного опыта.

Стереотипы власти веками складывались отрицательные (ср. хотя бы результаты ассоциативных экспериментов⁷). Мздоимство и лихоимство властей фиксируются в фольклоре, художественная литература и журналистика в немалой степени поддерживали эти стереотипы. Расхождение между стереотипом и образом власти в СМИ намечилось в советской прессе. Газеты рисовали образ партии, образ советской власти в официально-положительных тонах. И если эти образы противоречили стереотипам (ср. тексты сопротивления⁸), то в самой картине текущего момента создавалась мощная база для формирования положительной оценки хотя бы внутри дискурса. Такой базой являлись присутствовавшие в каждом газетном номере, в каждой новостной радио- или телепередаче сообщения, как тогда говорилось, о достижениях советской экономики, науки, здравоохранения, искусства, спорта, причем в этих областях, как точно было известно всем читателям,

не все было «враньем» (сегодня это тем более понятно). Если в «Омской правде» за 30 октября 1984 года сообщалось, что станочники завода «Омскгидропривод» выпускают шаровые опоры для гидроподъемника к тракторам К-700 и обещают к годовщине Октября изготовить их более трех тысяч штук, так никто не сомневался, что тракторы заводом делаются, в сельское хозяйство поступают (и, может быть, какие-то из этих машин, собранные-пересобранные из своих постепенно разваливающихся собратьев, трудятся на крестьянских полях и до сих пор). Никакого смысла не было сомневаться в том, что «только тяжеловесными составами грузоподъемностью по восемь-десять тысяч тонн доставляют уголь на Ермаковскую ГРЭС железнодорожники целинной магистрали», о чем сообщала «Комсомольская правда» 25 ноября 1983 года. Можно было верить и тому, что «в Нарткале — одном из самых молодых индустриальных центров Кабардино-Балкарии введен в действие механизированный хлебозавод», как информировала «Правда» 17 января 1982 года. Газеты не смешивали «мух с котлетами» и не приучали к этому своих читателей (каждый желающий мог выработать в себе эту привычку самостоятельно), поэтому, когда в том же номере «Омской правды» сообщалось, что «на 29 октября совхозы и колхозы области засыпали в закрома государства 1 миллион 494 тысячи 488 тонн хлеба», рядом не следовала приписка насчет того, что-де в прошлом году 400 тысяч тонн зерна на складах сгнили, а самостоятельно читатель о плохо работающих складах мог и не подумать. Таким образом, в картине текущего момента действительность представляла как время плодотворного труда. И читатель, думается, игнорируя обязательный пафос, склонен был фактам верить: все-таки на его глазах росли целые кварталы жилых домов в крупных городах, во дворе его дома на площадке детского сада копошились в песочнице дети, а в соседнем дворе строили еще один детсад, и новая школа через дорогу трудилась в две смены, а из пионерлагеря недавно вернулся сынишка. Конечно, идеологическая ложь уже отупляла сознание, но мы говорим о картине мира, рисуемой СМИ, и о том, что внутри этой картины положительная оценка выглядела вполне логичной: если страна созидает, чего же еще ждать от власти.

Сегодняшняя пресса иная. Смешение «мух и котлет» стало для нее правилом. (Весь последующий материал извлечен методом сплошной выборки из нескольких номеров разных изданий за октябрь 2005 года — по одному номеру каждой газеты.) Обратимся, например, к газете «Труд». Заметка о том, что администрация Брянской области «решила помочь сельхозпредприятиям погасить 85-миллионную задолженность по зарплате», заканчивается так: «Прокуратура ежемесячно будет проверять, дошли ли средства до сельских тружеников». Сообщение о том, что «правительство России утвердило введение с апреля 2006 года экологических норм “Евро-2” для автомобилей, выпускаемых на отечественных заводах», немедленно сопровождается замечанием: «Старых машин, уже бегающих по российским дорогам, нововведение пока не коснется» — вот и вся экология. Даже рассказ о том, что воронежский ученый открыл тайну Бермудского треугольника, заканчивается констатацией: «Но для реализации идеи нужны лаборатория, набор специального оборудования. Пока ни один город России не проявил к этому интере-

са». Единственный без всяких оговорок положительный «созидательный» факт («Московский микрорайон “Жулебино” стал стартовой площадкой для внедрения цифровых технологий. Район обзавелся котельной с автоматизированной системой контроля, которая заменяет работу диспетчера») окружен букетом «отрицательных» новостей: «Потребительские цены на бензин в России с 19 по 25 сентября выросли на 0,9 процента»; «В городе Миассе Челябинской области убит 38-летний бизнесмен»; «Мы устали от нищеты. Учителя жестко критикуют правительство за то, что оно не выполняет прямых поручений президента» (все это на первой полосе). Этого правила оговорки («все замечательно, но...») придерживается даже «Российская газета», учредителем которой является правительство Российской Федерации. Сообщение «Президенту показали образцово-показательную клинику в Пензе» включает в себя констатацию: «Изношенность основных фондов учреждений здравоохранения в среднем составляет 58,5 %. Еще ужаснее цифра в 85 %, ведь именно столько умерших россиян можно было бы спасти, если бы новинками, которые показали президенту, люди могли бы воспользоваться». Заканчивается публикация так: «Перечень счастливиц, которые лечатся в “образцово-показательной” больнице Пензы, не превышает и двадцати человек. Но на вопрос о том, каким образом обычный больной может воспользоваться благами, предлагаемыми этим элитно-государственным медучреждением, медсестры так и не нашли, что ответить». Теперь понятно, почему материал называется «Лечись кто может» (Рос. газ. 2005. 12 окт.). И уже знакомая картина: позитивная информация окружена целым сонмом отрицательных сведений.

Какой же образ власти вписывается в такой фон, в такую картину текущего момента?

Проанализированные нами номера не рассматривают власть как феномен. Прессу интересует власть как субъект деятельности, поэтому для ее обозначения используются слова *власти, власть, чиновники*, а также более конкретные *правительство, губернатор, местная администрация, суд, депутаты*.

Несмотря на несходство изданий, все они едины в выделении главной черты образа: **ВЛАСТЬ КОРРУМПИРОВАНА**. Коррупция выступает как главное препятствие на пути решения любых проблем: «Почему-то российским авиазаводам всячески мешают, а зарубежным фирмам всячески помогают. Впрочем, А. Акименков привел простую причину — “откаты”, или, как принято говорить конкретной, “комиссионные” за подписание контрактов по покупке импортной техники» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.); «Следующий шаг — гораздо более сложный — дифференцировать налог по скважинам и по качеству добываемой на них нефти. Но здесь есть одна, зато очень существенная, опасность — коррупция. Потому что это распределение, а соответственно и больший или меньший уровень налогообложения зависит от чиновника» (Аргументы и факты. 2005. № 40); «Кинорежиссера поддержала общественность северной столицы, согласившись, что необходим специальный закон об использовании площади, и выразив недоверие “неким силам” в городской администрации, “торгующей территорией между Эрмитажем и Главным штабом”. В общем, начали с концертов, а договорились до коррупции

и подготовки к убийству!» (Труд. 2005. 8 окт.); /с миграцией/ «сложилась ситуация, чрезвычайно выгодная для милицеских поборов и получения взяток чиновниками» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.).

Последний случай показывает, что журналисты расширяют круг берущих взятки: за чиновниками в него попадают милицеские, таможенники («Почему правительство терпит, что две трети импортного ширпотреба — это контрабанда, на которой обогащаются продажные таможенники и теневые импортеры?» — Аргументы и факты. 2005. № 40); депутаты («Почему у нас такой послушный и коррумпированный депутатский корпус?» — Там же); служители Фемиды («Кто тогда затягивает реформу? Олигархи, заинтересованные в сохранении возможности покупки судебных решений? Судьи, наживающиеся на взятках?» — Там же). В общем, человек, который прочтет за месяц пять-шесть газет, получит картину тотальной коррупции. По цитатам видно, что порой ему достаточно и одного номера, чтобы сложилось то же самое представление, ср. хотя бы в «Известиях» и «АиФ» еще и такие характеристики: «За последний год наша страна потеряла 36 позиций и оказалась на 126-м месте в мировом индексе восприятия коррупции — списке из 156 государств» (Известия. 2005. 19 окт.); «135 тыс. руб. — средний размер взятки в России, показал опрос фонда “Индем”. Доход чиновников от взяточничества составляет в 2005 году 316 млрд долларов — это в 2,66 раза больше, чем доходы федерального бюджета. “Берут” или “дают на лапу” 75 % россиян» (Аргументы и факты. 2005. № 40).

Как рисуется деятельность этой коррумпированной власти? Здесь полная гармония с фоном. Как в фоновых деталях позитив никак не может выкарабкаться из-под подавляющего его негатива, так и власть изображается конструкциями с общим смыслом «должна, хотела, сделала, но...». Это бесконечный перечень невыполняемых обязанностей, неудавшихся починов, нереализованных намерений. За изложением, как уже было сказано, скрываются разные формулы развития или организации событий.

ДЕЛАЛИ, НО НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ: «Практически все реформы, которые должны были повлиять именно на сферу противодействия коррупции, либо зашли в тупик, либо отложены на неопределенный срок» (Известия. 2005. 19 окт.); «В стране за прошедшие годы не удалось создать ни системы миграционных органов, ни концепции государственной миграционной политики» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.).

СОБИРАЛИСЬ, НО НЕ СОБРАЛИСЬ: «Витали же в воздухе идеи заставить олигархов расплатиться за несправедливо (читай — даром) приватизированное, и что же?» (Аргументы и факты. 2005. № 40).

ДОЛЖНЫ, МОГУТ, НО НЕ ДЕЛАЮТ: «Необходимо вернуть российским рыбакам промыслы в водах Мирового океана. Употребить власть и влияние для того, чтобы у них появилась возможность добывать биоресурсы и перерабатывать их с выгодой для себя и для страны» (Известия. 2005. 19 окт.); «У нас не разработана промышленная политика, призванная обеспечить развитие отечественной индустрии в условиях конкуренции с китайской продукцией» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.); «Государство должно по определению учить и просвещать своих гражд-

дан. Оно должно формировать и поддерживать то, что называется “культурной средой обитания”... Каждого из своих граждан государство (если оно думает о будущем) должно побуждать к добродетели, культуре и нравственному развитию... Наш народ сейчас существует вне своего национального языка и вне своей национальной культуры» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.); «Гораздо легче (а главное, менее затратно) направлять свой гневный пафос в защиту русского языка в республиках ближнего зарубежья, нежели финансировать его качественное изучение в собственном отечестве» (Известия. 2005. 19 окт.); «Из эфира испарились песни, рассчитанные на школьный и дошкольный возраст. А ответ на эту загадку очень прост: на нее просто-напросто исчез государственный заказ. Ведь ранее все известные песни Ю. Чичкова, А. Пахмутовой, Ю. Хромушина и многих других детских композиторов создавались в русле специальной культурной политики» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.).

ЗАДУМАЛИ, НО НЕ ПОЛУЧИТСЯ: «Снизить налоги государство согласится, а унять налоговые проверки — нет. Если в таких условиях начинаете снижать налоги и рассчитываете, что при снижении налогов бизнесмены выйдут из тени и будут демонстрировать свою преданность родине, то вы наивный человек» (Известия. 2005. 19 окт.); «Молодежь, напротив, всегда жаждет преобразований... Никакая внешняя облицовка в виде молодых бюрократов, на которых сейчас рассчитывает правительство, не сможет ее удержать» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.); «...наладить антимонопольное регулирование. Сделав его по мировым стандартам. То есть предельно жестким. Мягкие варианты бессмысленны. Из-за полной неэффективности. Силенок, правда, может не хватить» (Известия. 2005. 19 окт.); «Возможно, ОП превратится еще в одну чиновничью структуру» (Аргументы и факты. 2005. № 40).

ДЕЛАЮТ ВО ВРЕД СТРАНЕ: «Если правительство продолжит прежний курс в отношении российского авиастроения, то скоро в нашем небе будут летать самолеты только иностранного производства... Почему Министерство экономического развития делает все, чтобы российская экономика не развивалась?» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.); «Значит, мы должны примириться с теми, кто продолжает проводить у нас политику обслуживания нашими ресурсами других стран — победителей в холодной войне?» (Там же); «Дайте нам право создать национальное государство по европейским образцам. Но не дают. Как не дают возможности создать нормальную рыночную экономику, нормальное самоуправление» (Там же).

НЕ ДЕЛАЮТ, ЧЕМ НАНОСЯТ ВРЕД СТРАНЕ: «У самих рыбаков желание есть... И по большому счету, они даже не просят денег. Они лишь хотят, чтобы государство хотя бы раз повернулось к ним лицом. Сможет ли власть что-то сделать — вопрос к власти. Гораздо важнее другое: дождется ли отрасль, не загнется ли за этот год окончательно» (Известия. 2005. 19 окт.); «Пуликовский: Не могу убедить правительство в том, что нужно поднять пошлины на круглый лес. Кто-то, видимо, очень хочет, чтобы пошлины были пониже... То же самое с металлоломом, с черным металлом — уходит, уходит, уходит! Мы — богатейшая страна, а живем бедно, потому что разбазариваем свои ресурсы» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.).

ГОВОРЯТ ОДНО — ДЕЛАЮТ ДРУГОЕ: «Напрашивается предположение, что не о примирении на деле идет речь. Задача у нашей власти, похоже, противоположная: закрепление господства одних над другими и стирание из памяти людей всего, что могло бы помочь видеть мир и свою историю объективно» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.); «Эксперты отмечают, что ни одно из многочисленных усилий власти по противодействию мздоимству не идет дальше деклараций» (Известия. 2005. 19 окт.).

В целом складывается такая ситуация: субъект с весьма неприятным признаком коррумпированности не очень успешно осуществляет свою деятельность управления. Понятно, что эта деятельность направлена на объект, и состояние этого объекта оборачивается косвенной характеристикой деятеля. Разумеется, газеты не скупятся на описание состояния и судьбы объекта управления.

ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: «\$1 в день — доход 20 млн россиян» (Аргументы и факты. 2005. № 40); «Количество неудовлетворенных жизнью россиян возросло до 50 %, причем 40 % считают, что Россия идет не туда» (Там же); «Пассионарность современной России довольно низка. Это связано и с демографической катастрофой, ограничивающей количество молодежи, и с непрекращающейся эмиграцией, вымывающей пассионарную часть населения, и с нарастающей экспансией в виртуал, в игровые миры, которые тоже поглощают часть социальной энергии» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.).

ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ: «Индекс экономической свободы у нас слегка понизился, индекс свободы слова понизился, так же как индекс инвестиционной привлекательности и индекс соревновательности» (Известия. 2005. 19 окт.); «Российская Федерация до сих пор представляет собой пиар-проект — недогосударство переходного периода. Наши соседи давно начали “жить для себя”, а не для “реформ ради реформ” или для “бесперебойного обеспечения энергоносителями Европы”, как это до сих пор принято в РФ. В дорогой нам России все гигантские ресурсы пошли либо на Запад, либо в пропагандистский свисток. У нас после 1991 года образовалось имитационное государство весьма ограниченного качества и срока годности с пиар-менеджером в виде президента страны. Именно поэтому соседи постоянно стали воспринимать Россию как незадачливого старшего брата. Как элегантного мошенника, научившегося носить дорогие костюмы и проматывать в элитных клубах отцовское наследство» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.); «А наше общество ни в одном из секторов не готово бросить власти вызов» (Известия. 2005. 19 окт.).

БУДУЩЕЕ: авторы пытаются представить судьбу каких-то проектов: «В случае кризиса Стабфонд кому достанется? Угадайте с трех раз. Ну уж точно не нам с вами. Так что не зря они его берегут. Руки прочь от господских денег» (Аргументы и факты. 2005. № 40). Будущее экономики также не внушает оптимизма: «Мне кажется, что правительство просто не способно умело вложить гигантские накопленные средства в действительно стоящие проекты. Да и самих проектов, скорее всего, нет. В итоге получится как всегда: меньшую часть съедим, большую — разворуют» (Там же). Будущее страны рисуется в тревожных тонах: «Если говорить о

сегодня, когда характерно отсутствие у наших властей внятной и долговременной политики по социально-культурному развитию Восточной Сибири, и особенно Дальнего Востока, то будущее России в плане “китайского вопроса” представляется весьма тревожным» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.); «Вот и выходит, что пока цены на нефть высокие, наша власть как-то на плаву держаться будет, а когда ситуация изменится — будет покруче, чем на Украине: у нас если бунтуют, то сносятся все» (Аргументы и факты. 2005. № 40). Позитивное будущее связывается только со сменой нынешней коррумпированной власти: «[Евразийский союз] станет актуален в тот момент, когда в стране сменится правящая элита и произойдет новая национальная сборка... Только такой союз из состоявшихся и самостоятельных хозяев Евразии может обеспечить целостность и мир на нашем континенте» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.). На фоне этих глобальных прогнозов довольно жалко выглядят умозаключения о будущем сегодняшней власти: «В ближайшие два года политическая система России будет подвержена консервации. Главная задача Кремля — ничего “не расплескать”, не развалить до выборов» (Аргументы и факты. 2005. № 40); «Сегодня режим ломает голову над тем, как продлить политическую жизнь Владимиру Путину после 2008 года. Некоторые башни в Кремле готовы пойти для сохранения своих властных позиций на любые комбинации» (Лит. газ. 2005. 12–18 окт.).

Нарисованную картину можно назвать точкой отсчета, по отношению к которой варианты образы либо смягчают, либо сгущают краски. «Российская газета» предпочитает говорить не о мздоимстве или воровстве, а об административных барьерах, а то и вообще о каких-то процедурах, вызывающих недовольство предпринимателей: «Много претензий у строителей и к процедурам оформления всей необходимой для строительства документации». Реализуется мягкий вариант формулы «Задумали, но не получится», в ней обязательно присутствует модальность возможности — «может не получиться». Так, публикация о финансовой амнистии начинается сразу с ожидания неудачи: «Уже через две недели законопроект об амнистии капиталов может быть представлен в Госдуму, однако до сих пор эксперты сомневаются, что предложенный механизм заставит людей объявить о своих накоплениях». В том же ключе идет разговор о реформе здравоохранения, когда депутат Госдумы сообщает: «Очень бы хотелось быть оптимистом. Но не получается. На памяти — множество прекрасных программ по развитию здравоохранения, которые так и остались благими пожеланиями. Прежде всего потому, что не были подкреплены финансами». Тут же высказывается сомнение по поводу обещанных средств: «К сожалению, пока мы не можем сказать, хватит ли выделенных денег на оборудование».

«Коммерсантъ» также придерживается мягких форм популярных сюжетов. Например, в духе «Задумали, но уже получается что-то не то» выполнена публикация о формировании Общественной палаты. Только одна деталь: «По сведениям “Ъ”, отбором будущих членов продолжает заниматься администрация президента, хотя по закону это должны делать действующие члены палаты». При анализе различных финансово-экономических ситуаций в газете «точно» реализу-

ются и другие формулы. «Должны, но не делают»: «К нему (инвестору. — Л. М.) надо обращаться с серьезными предложениями, зная стратегию развития энергомашиностроения в целом, а ее-то государство пока не сформулировало». «Делают, но по-настоящему успешно не получится»: усиление экономической интеграции стран СНГ придало «дополнительный импульс коррупции» (Коммерсант. 2005. 7 окт.).

«Советская Россия» демонстрирует жесткий вариант той же картины. На первом месте стоит здесь формула «Делают во вред стране»: «Власть уже научилась строить “виртуальную политику”, когда исход избирательных кампаний не зависит от волеизъявления граждан. Она научилась создавать дутую экономику, в которой, вопреки тревожным симптомам, происходит “успешный рост”». Отсюда мрачные картины будущего: «Происшествие на военных складах не только не первое, но и не последнее» (о взрывах на складах боеприпасов на Камчатке); «Годовая убыль граждан страны вновь значительно превысит миллион»; «Государственная политика уже сегодня затрагивает судьбы абсолютного большинства офицеров, других военнослужащих, которые завтра будут выброшены на улицу... пополнят ряды появившихся в стране бомжей среди военных». Признак коррумпированности включается в более общую характеристику тотальной враждебности власти народу, например: «Нынешние правители — временщики. Здесь, в чужой и враждебной им стране, они не держат награбленные капиталы». В отличие от уже рассмотренных изданий, где власть рисуется как ворующая без всякой опаски, эта газета приписывает режиму некий мистический страх перед высшей карой: «Они не хотят рисковать своей шкурой. Ради чего? Если нет ни родины, ни чести, ни совести. А есть лишь страх ожидания возмездия и боязнь потерять награбленное» (Совет. Россия. 2005. 6 окт.).

Жесткость оценок в газете «Версия» рождается оттого, что подробно анализируются конкретные ситуации, носящие в основном какой-то угрожающий характер. Понятно, что в процессе анализа автор в конце концов добирается до чиновника. И выход на эту фигуру приводит к одной из уже описанных формул или к констатации признака «коррумпированность». Приведем несколько элементов заголовочных комплексов: «По новому закону парламентские расследования по-прежнему останутся фикцией»; «Квартирная банда в погонах: Главари преступной милицейской группировки по-прежнему на свободе»; «Крупнейшее в России предприятие по утилизации химического оружия работает с вопиющими нарушениями закона» (Версия. 2005. 3–9 окт.).

Тот же принцип формирования оценки использован в «Новой газете». Это тоже развернутые расследования сложных политических, социальных и экономических ситуаций, можно сказать, со стандартным выводом о коррупции и нежеланием государства выполнять свои функции. Не раз обсуждаемая в эти дни Общественная палата характеризуется как «замкнутая корпорация», создаваемая на основе «круговой поруки» и наделенная правом время от времени «сетовать» президенту на некие недостатки в условиях, когда в стране нет нормального парламента («Хотим сделать, но ничего хорошего не получится»). Формула «Делали, но не

получилось» реализуется в ситуации: земельная реформа привела к тому, что «большинство крестьян оказались лишенными своих законных паев». Формула «Собрались сделать, но не получится» реализована в ситуациях: реформа местного самоуправления приведет к тому, что «прирожденными банкротами появятся на свет новые муниципальные образования в Саратовской области»; «Приказ Минздрава поставил непроходимые препятствия между больными и лекарствами». Признак коррумпированности рассмотрен в номере, так сказать, в историческом аспекте в четырехполосном материале на тему «Первые лица России и уголовные дела, в связи с которыми они упоминались». Вывод: «Российскими топ-менеджерами стали люди мелкого масштаба. Поначалу их связывала вовсе не кровь, не миллиарды долларов и даже не дела, а делишки. И можно было бы оценить это позитивно — все-таки не тот уровень взаимных обязательств: разве может совместное соби́рание “мелочи” породнить на всю оставшуюся жизнь? Оказывается, может. И эта мелочь, как ни странно, создала нам новую государственную элиту». Тема коррупции затрагивается в связи с анализом работы авиационного ведомства: «Наши генералы “пилят” столько бюджетных денег, что огорчаться падению самолета — это просто смешно». Расследование проблемы Стабилизационного фонда вообще выливается в вывод о том, что «в России построен раскрадный тип экономики» и что «сегодняшнему Российскому государству никакие деньги не помогут» (Нов. газ. 2005. 3–5 окт.).

В целом в картину текущего момента, которая складывается в первую очередь из сообщений о всяческих катастрофах, убийствах, стихийных бедствиях и о многочисленных положительных событиях, о которых повествуется не без оговорок, снижающих степень позитивности, вписывается образ власти, неплохо подходящий для такого фона. Эта власть противопоставлена стране, народу, цель ее деятельности — собственное обогащение, основная забота — фискальная, за полтора десятка лет она почти не сформировала способности заботиться об условиях, обеспечивающих деловую активность людей.

Что ж! Это не первая власть, получающая в России такую характеристику. Сегодня в связи с новым праздником, 4 Ноября, много говорят о времени Смуты и после Смуты, усматривают сходство той ситуации с нынешним положением дел в России. В связи с этим интересно напомнить, что писал В. О. Ключевский о московском правительстве того времени. Во-первых, он отмечает, что «преобразовательные попытки, касавшиеся устройства государственного управления... подъема государственного хозяйства, были робки и непоследовательны, не вытекали из практически разработанного плана, внушались, по-видимому, случайными указаниями текущей минуты. Но эти указания шли в одном направлении, потому что прямо или косвенно исходили из одного источника, из финансовых затруднений правительства»⁹. Во-вторых, автор говорит, что «финансовые нововведения привели к истощению народных сил, к банкротству и хроническому накоплению недоимок»¹⁰. Подчеркивается, что правительство «строило свое финансовое хозяйство исключительно на узкофискальном расчете, знало только казенную прибыль и не хотело иметь никакого понятия о народном хозяйстве»¹¹. Наконец, в-третьих,

историк касается личностного фактора власти: «Московское правительство в первые три царствования новой династии производит впечатление людей, случайно попавших во власть и взявшихся не за свое дело. При трех-четырех исключениях все это были люди с очень возбужденным честолюбием, но без оправдывающих его талантов, даже без правительственных навыков, заменяющих таланты, и — что хуже всего этого — совсем лишенные гражданского чувства»¹². И лихоимство из нарисованной картины никуда не исчезает: историк сочувственно цитирует Юрия Крижанича, который пишет о поборах и взятках, что названо им «людодержством»¹³.

Итак, образ власти в современных медиатекстах — лишь звено в веками длящемся диалоге, в веками осуществляемой ментальной деятельности, формирующих представление россиян о власти. Суждено ли этому образу стать хоть немного благороднее?

¹ Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 16.

² См.: Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 44.

³ Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX — начала XX века. Тюмень, 2005. С. 48.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. С. 6.

⁶ См.: Майданова Л. М. Стереотипы необустроенности и нецивилизованности России в текстах СМИ // Stylistyka. Opole, 2005. Т. 14.

⁷ См.: Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003. С. 175–176.

⁸ См.: Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.

⁹ Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. М., 1957. Т. 3. С. 237.

¹⁰ Там же. С. 237–238.

¹¹ Там же. С. 267.

¹² Там же. С. 238.

¹³ См.: Там же. С. 251.